

УДК 23/28

Феномен русского православного христианства в социокультурной связи с крестьянством

Храмешин Сергей Николаевич

Доктор богословия, ректор,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105052, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 20;
e-mail: rector@sgla.ru

Никитенко Анастасия Владимировна

Проректор по учебной деятельности,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105052, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 20;
e-mail: nika@sgla.ru

Аннотация

Русское христианство уникально и значительно отличается как от западноевропейского, так и от восточного греческого. Попыткой разобраться, в чем состоит его культурная уникальность, стало настоящее исследование. В статье проведено исследование феномена русской религиозной традиции, основанном на крестьянстве. В религиозный лексикон вводится понятие «крестьянскости» российского православия. Исследуется связь между православной культурой и ее исключительно крестьянскими атрибутами. Результатом исследования стал вывод, что одним из уникальных феноменов русского христианства является его социокультурная связь с крестьянством, которая не рухнет, не смотря на исчезновения его как класса, но, возможно, становится объяснением явления современной российской рурализации. Проведенное в данной статье философско-религиоведческое исследование будет полезно ученым-философам, религиоведам и теологам, у которых проблемными темами изучения является рефлексия религиозных традиций.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н., Никитенко А.В. Феномен русского православия в социокультурной связи с крестьянством. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1В. С. 259-265.

Ключевые слова

Русское православие, русская православная культура, феномен русского православия, православие и крестьянство, славянофилы, западники.

Введение

Религиозная культура есть выражение вещей более глубинных, чем исключительно внешняя атрибутика культов. Так, при воздвижении египтянами величественных пирамид, или при бальзамировании умерших, или монументализации «Книги мертвых», это было не просто бездумным обрядом, но исповеданием их веры в жизнь после физической смерти. Религиозное искусство, выражаемое в том числе и в молитвенных традициях, это перманентная связь с духовной жизнью религии и внешнее исповедание ее сокровенной сущности.

В таком контексте православный храм перестает восприниматься как обособленный от церковной и общественной жизни вид религиозной архитектуры, православные песнопения как вид музыкального академического или народного творчества, молитва как красивое проявление общественных традиций. Становится понятна цель всей православной религиозной культуры – формирование возможностей поговорить с Богом при помощи частной и общественной молитвы тем или иным эффективным и доступным способом, в том или ином месте, специально для этого созданном.

Показательна в данном случае для примера народная поговорка: «Встречают по одежке, провожают по уму». Так вот, церковная культура и есть своего рода одежда религии, отражающая внутреннее ее содержание. Чуждому православной веры, веры в Бога, в жизнь после смерти человеку, не видящему экзистенциальной потребности в церковных таинствах и молитве, как способу общения с Богом, православная традиция и молитвенная практика становятся также чужими. Изучение исключительно культурной составляющей при игнорировании сокровенного содержания православного вероучения становится таким же, как изучение тела без изучения души. Как теряется смысл жизни бездуховного человека, и ему приходится его искать постоянно, так и теряет смысл изучение религиозной культуры без изучения вероучения и духовной практики церкви.

Между тем, несмотря на одно свое основание в Новом Завете, русское христианство стало примером уникального феномена, значительно отличающегося как от западноевропейского, так и от восточного греческого. Где корни его этнокультурной идентичности?

По мнению славянофилов, русская религиозность вытекает из экзистенции народного самосознания, сформированного в российском крестьянстве [Бобровских, 2015; Жигунова, 2015; Скороходова, 2011].

Культурная идентичность русского православия

Христианство вселенская религия, и в ней, по словам апостола Павла, нет ни эллинов, ни иудеев, ни рабов, ни свободных (Кол. 3:11), и это позволяет каждому человеку раскрыть свой особый путь в этом мире к Богу независимо от социального положения и рода деятельности [Толкования Священного Писания. Толкования на Кол. 3:11]. Однако жизненные пути, предлагаемые Церковью в историческом существовании, неизбежно приобретают выражение посредством культурных и социальных форм времени. После укоренения в церковном предании они получают порой собственную жизнь, оторванную от изменяющейся культурной обстановки, накладывая собственный отпечаток на понимание образа «идеального православного христианина». В качестве примера можно привести монашество. Как об определенной институции в Евангелии о нем ничего не сказано, хотя

образно, конечно, оно вполне в нем рекомендуется. Оно сформировано уже людьми, как один из эффективных способов достижения спасения и Царствия Небесного. Сегодня уже невозможно представить ни Православие, ни Церковь без него. Таким образом, социокультуривание Нового Завета в историческом пути человечества к спасению формирует уникальные явления и феномены.

Современному Православию, в частности, русскому, также присущи особые социокультурные формы. Именно они, прежде всего, бросаются в глаза «внешним» людям, или тем, кто только начал свою дорогу к храму. При оставлении в стороне сакраментальной стороны Церкви, перед человеком, открывающим для себя мир Православия, предстает особый вид религиозной культуры, которая порой обращает отдельное внимание на свою бытовую сторону и, конечно же, поражает ею, предлагая и особый богослужебный язык молитвы и общения, в том числе с определенным языком жестов в виде крестных знамений, благословений, целования икон и поклонов [Справочник православного человека. Обряды Православной Церкви]. Этот мир обладает определенным набором обрядовой атрибутики, выражающейся в определенной одежде и причёске.

Однако все-таки некоторые публицисты предполагают, что это никакая ни культура, а субкультура, носители которой находят свою апелляцию в традиции и в своем, бытовом, ее понимании [Илюкович, www]. И ничего удивительного в этом нет, поскольку надо признать, что христианин в обыденном сознании для русского человека – это, прежде всего, крестьянин, поскольку на протяжении многих столетий Россия была преимущественно аграрной страной. Поэтому-то и идет фактическое воспроизведение элементов крестьянской субкультуры в русском Православии.

Крестьянство выражается в современной православной культуре, как в одежде, так и в культивируемых за безобидными обычаями и фольклором в церковной среде формах патриархальной коммуникации и «кастовых» отношений [Ладыгина, 2002]. От чего христианство всегда указывало беречься как от «закваски фарисейской», т.е. обращения внимание в большей степени на обряд, чем на межличностные отношения человека и Бога.

Но если вспомнить, кто такой крестьянин, то надо будет признать: это крепостной, подчиняющийся барину. Культура русского крестьянского христианства формировалась в феодальную эпоху, и поддержание ее традиций в современном обществе может восприниматься как пережиток прошлого социально несправедливого строя и попыткой искусственно поддержать уже несуществующий крепостнический миф.

Нельзя сказать при этом, что Церковь сформировала этот верноподданический тип сознания для крестьянина. Скорее для той исторической действительности она предложила наиболее понятную форму реализации возможности спасения для любого человека вне зависимости от социального статуса, основами которой были понятия смирения и семьи. Проблема сегодня и проявляется в том, что при этой модели теряется интерес со стороны молодежи, потерявшей понимание смысла крестьянской культуры, а также, в системе ценностей развлечений и потреблений, значения смирения и семьи.

«Крестьянскость» христианства не является общеправославной традицией. Византийское Православие имело иные бытовые и даже обрядовые, традиции. Это особенность русского Православия. П.А. Сапронов в своей книге «Феномен героизма» отмечает следующим образом: «К XVI веку в Московской Руси жили одни крестьяне: крестьяне-мужики, крестьяне-посадские люди, крестьяне-воины, крестьяне-князья и цари. Сквозное окрестьянивание создавало совершенно неведомую послеантичному Западу однородность русской культуры, не знавшей

ни бургерской, ни, тем более, какого-либо подобия рыцарской культур» [Бобровских, 2015, 267-268]. Такого феномена не существовало ни в византийской, ни, тем более, в европейской традициях христианства, где имела место быть аристократизация того же крестьянства.

Типичным примером догматизации «крестьянской» концепции жизни в современной России стал публицистический бестселлер настоятеля Сретенского монастыря, а ныне митрополита Псковского, Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы». Для миллионной аудитории жизнь Православной Церкви предстала такой, какой они ее хотели увидеть. Прежде всего в ней описаны истории чудес в жизни людей различного социального положения, без какого-либо богословского или логического анализа – «как есть», т.е. без рефлексии и желания задать себе неудобные и трудные вопросы. И пусть уже непонятны значения некоторых обрядовых традиций, описываемых церковным публицистом, тем не менее, они оказались очень приятны сознанию российской современной читательской аудитории. Но, в то же время, такая форма религиозности характеризует и тренд к попытке спрятаться православному за крестьянской редукцией Православия, несмотря на то, что крестьянства как классовой формы уже давно не существует. Что это – феномен русской религиозности?

Если взять Византию, то там как простые верующие, так и священнослужители были вовлечены в богословие, поскольку любое частное мнение или теологумен могли стать предметом вероучительных споров и фактически их принятие или непринятие означали приверженность человека к ортодоксальной церкви или еретическому движению. Поэтому Византия была еще и государством достаточного количества богословских школ.

Идеалы европейского христианства сформировались в эпоху крестовых походов, когда после его совершения возвратившийся крестьянин мог стать рыцарем того или иного ордена [Каплан, Дворкин, 2013; Школьник, 2017]. Это был восходящий тренд на аристократизацию христианства. Полностью возможность западноевропейской крестьянизации христианства была разрушена протестанской реформой и последующими за ней событиями.

Неслучайно «западники» категорично не принимали феодально-крепостнические порядки и требовали просвещения по западной модели, в отличие от славянофилов, которые пытались сделать то же, но только на базе самобытных культурных элементов народности. Однако попытка установить безальтернативным путем западные ценности в России раскололи самих западников именно на почве отношения к религии – основе историософии славянофилов.

Впрочем, в средние века как русская, так и европейская цивилизации были теоцентричными, а тема богообщения имела значение смыслового стержня их существования. Но в историософии Запада довольно рано произошла замена религиозной философии теоцентричности на не менее религиозную философию антропоцентричности. Просто-напросто в погоне за понятием анархической свободы человека от Бога Он был изгнан из западноевропейской системы нравственных, да и культурных тоже, ценностей. Не то чтобы совсем, впрочем; Его люди попытались сделать «одним из», при этом гуманизм сделал из человека «меру всех вещей». В Россию, начиная с петровских времен, вошла не антропоцентричность, но властелинственность, где власть и могущество государства стали предельными ценностями общества [Каплан, Пивоваров, 2009].

Надо отдать должное славянофилам за то, что они смогли сказать, несмотря на мейнстримский западнический тренд, что Россия не является какой-то отсталой частью Европы, она наследница Византийской культурной и религиозной традиции, несколько не уступающей Римской. Они относились к своей истории вполне жестко и критично, однако при

этом обращали внимание на то, что западникам правильно будет также оценивать европейскую культуру не исключительно идеалистично.

Русская религиозность, основанная на народных и, прежде всего, крестьянских корнях, стала камнем преткновения для философских споров сторонников западной культуры и русской традиции, которая по существу была религиозной [История славянофильства и западничества в России, www].

Как бы то ни было, религиозные крестьянские традиции не удалось искоренить до сих пор в российской народной культуре и самосознании.

Заключение

Восточная культура сформирована во многом на принципах торговых отношений, западная – на, в общем понимании, промышленных. Идентичность русской религиозной культуры уходит своим корнями в крестьянство и его традиционные устои.

Это совсем не значит, что национальная идентификация русской религиозной культуры не сможет никогда измениться; пожалуй, она уже меняется, однако наследие «крестьянскости» всегда в ней было и будет культурно-формирующим фактором. В частности, истоки явления современной российской рурализации [Храмешин, Никитенко, 2016; Никитенко, Храмешин, 2017] можно поискать также в этом проявлении феномена.

Результатом исследования стал вывод, что одним из уникальных феноменов русского христианства является его социокультурная связь с крестьянством, которая не рухнет, несмотря на исчезновение этого сословия как социального класса.

Библиография

1. Бобровских Е.В. Значение «Народности» в концепции славянофилов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. № 4 (36). С. 101-106.
2. Жигунова Г.В. Общественный идеал в России в духовном наследии славянофилов. Москва-Берлин: Директ Медиа, 2015. 129 с.
3. Илюкович И. Крестьянство или христианство? Социальные аспекты современного Православия. URL: <https://ahilla.ru/krestyanstvo-ili-hristianstvo-sotsialnye-aspekty-sovremennogo-pravoslaviya>
4. История славянофильства и западничества в России. URL: <https://ria.ru/spravka/20100831/270632961.html>
5. Каплан В. Вечный спор. Западники и славянофилы. URL: <https://foma.ru/vechnyj-spor-zapadniki-i-slavyanofilyi.html>
6. Каплан В. Ловушка «Святой войны». URL: <https://foma.ru/lovushka-svyatoj-vojni.html>
7. Ладыгина О. Религиозность в повседневной жизни православных крестьян Южного Урала во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. Т. 1. № 2. С. 173-175.
8. Никитенко А.В. Психология урбанизации и рурализации. Опыт научного исследования причин, проблем и мотивации. М.: Издательские решения, 2017. 44 с.
9. Образ смирения в православном самосознании. URL: <http://podvorie-alexandria.ru/aleksandrijskoe-podvorie/khristianskoe-chtenie/item/141-obraz-smireniya-v-pravoslavnom-samosoznanii.html>
10. Скороходова С.И. «Православие-народность-самодержавие» в историософии ранних славянофилов // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. № 1. С. 20-249.
11. Справочник православного человека. Обряды Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-obryady-pravoslavnoj-cerkvi>
12. Толкования Священного Писания. Толкования на Кол. 3:11. URL: <http://bible.optina.ru/new:kol:03:11>
13. Храмешин С.Н. Психологические причины рурализации в России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 2. С. 97-105.
14. Школьник Ю. Рыцари. Полная энциклопедия. М., 2017. 176 с.
15. Юнак В. Есть ли монашество в Библии? URL: <http://www.bible.com.ua/answers/r/35/3300>

The phenomenon of Russian Orthodox Christianity in the socio-cultural connection with the peasantry

Sergei N. Khrameshin

Doctor of Theology, Rector,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105052, 20, Radio st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Anastasiya V. Nikitenko

Vice-rector for academic activities,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105052, 20, Radio st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nika@sgla.ru

Abstract

Russian Christianity is unique and significantly different from both Western European and Eastern Greek. An attempt to understand what is its cultural uniqueness is the present study. The article investigates the phenomenon of the Russian religious tradition, based on the peasantry. The concept of "peasantness" of Russian Orthodoxy is introduced into the religious science lexicon. The connection between Orthodox culture and its exclusively peasant attributes is explored. Eastern culture is formed largely on the principles of trade relations; the western culture is, in general terms, industrial. The identity of Russian religious culture is rooted in the peasantry and its traditional foundations. This does not mean that the national identity of Russian religious culture can never change; perhaps, it is already changing, but the legacy of "peasantness" has always been in it and will be a cultural-formative factor. In particular, the origins of the phenomenon of modern Russian liberalization can also be searched for in this manifestation of the phenomenon. The result of the research was the conclusion that one of the unique phenomena of Russian Christianity is its socio-cultural connection with the peasantry, which does not collapse, despite the disappearance of it as a class, but perhaps becomes an explanation of the phenomenon of modern Russian liberalization. The philosophical and religious studies carried out in this article will be useful to scholars, philosophers, religious scholars and theologians, whose problematic themes are the reflection of religious traditions.

For citation

Khrameshin S.N., Nikitenko A.V. (2018) Fenomen russkogo pravoslavnogo khristianstva v sotsiokul'turnoi svyazi s krest'yanstvom [The phenomenon of Russian Orthodox Christianity in the socio-cultural connection with the peasantry]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1B), pp. 259-265.

Keywords

Russian Orthodoxy, Russian Orthodox culture, the phenomenon of Russian Orthodoxy, Orthodoxy and the peasantry, Slavophiles, Westerners.

References

1. Bobrovskikh E.V. (2015) Znachenie «Narodnosti» v kontseptsii slavyanofilov [The meaning of "Narodnost" in the concept of Slavophiles]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 8, 4 (36), pp. 101-106.
2. Ilyukovich I. *Krest'yanstvo ili khristianstvo? Sotsial'nye aspekty sovremennogo Pravoslaviya* [The peasantry or Christianity? Social aspects of modern Orthodoxy.]. Available at: <https://ahilla.ru/krestyanstvo-ili-hristianstvo-sotsialnye-aspekty-sovremennogo-pravoslaviya> [Accessed 05/05/2018]
3. *Istoriya slavyanofil'stva i zapadnichestva v Rossii* [History of Slavophilism and Westernism in Russia]. Available at: <https://ria.ru/spravka/20100831/270632961.html> [Accessed 05/05/2018]
4. Kaplan V. *Lovushka «Svyatoi voiny»* [Trap of the Holy War]. Available at: <https://foma.ru/lovushka-svyatoj-vojny.html> [Accessed 05/05/2018]
5. Kaplan V. *Vechnyi spor. Zapadniki i slavyanofily* [The eternal dispute. Westerners and Slavophiles]. Available at: <https://foma.ru/vechnyj-spor-zapadniki-i-slavyanofily.html> [Accessed 05/05/2018]
6. Khrameshin S.N. (2016) Psikhologicheskie prichiny ruralizatsii v Rossii [Psychological reasons for the liberalization in Russia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2, pp. 97-105.
7. Ladygina O. (2002) Religioznost' v povsednevnoi zhizni pravoslavnykh krest'yan Yuzhnogo Urala vo vtoroi polovine XIX – nachale xx veka [Religiosity in the daily life of Orthodox peasants of the Southern Urals in the second half of the XIX – beginning of the XX century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 1, 2, pp. 173-175.
8. Nikitenko A.V. (2017) *Psikhologiya urbanizatsii i ruralizatsii. Opyt nauchnogo issledovaniya prichin, problem i motivatsii* [Psychology of urbanization and liberalization. Experience in scientific research of causes, problems and motivation]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ.
9. *Obraz smireniya v pravoslavnom samosoznanii* [The image of humility in the Orthodox consciousness]. Available at: <http://podvorie-alexandria.ru/aleksandrijskoe-podvorie/khristianskoe-chtenie/item/141-obraz-smireniya-v-pravoslavnom-samosoznanii.html> [Accessed 05/05/2018]
10. Shkol'nik Yu. (2017) *Rytsari. Polnaya entsiklopediya* [Knights. Full encyclopedia]. Moscow.
11. Skorokhodova S.I. (2011) «Pravoslavie-narodnost'-samoderzhavie» v istoriosofii rannikh slavyanofilov ["Orthodoxy-Narodnost-Autocracy" in the Historiosophy of the Early Slavophiles]. *Prepodavatel' 21 vek* [Teacher of the XXI Century], 2, 1, pp. 20-249.
12. *Spravochnik pravoslavnogo cheloveka. Obryady Pravoslavnoi Tserkvi* [Directory of the Orthodox man. Rites of the Orthodox Church]. Available at: <https://azbyka.ru/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-obryady-pravoslavnoj-cerkvi> [Accessed 05/05/2018]
13. *Tolkovaniya Svyashchennogo Pisaniya. Tolkovaniya na Kol. 3:11* [Interpretations of Holy Scripture. Interpretations on Col. 3:11]. Available at: <http://bible.optina.ru/new:kol:03:11> [Accessed 05/05/2018]
14. Yunak V. *Est' li monashestvo v Biblii?* [Is there monasticism in the Bible?]. Available at: <http://www.bible.com.ua/answers/r/35/3300> [Accessed 05/05/2018]
15. Zhigunova G.V. (2015) *Obshchestvennyi ideal v Rossii v dukhovnom nasledii slavyanofilov* [The social ideal in Russia in the spiritual heritage of the Slavophiles]. Moscow-Berlin: Direkt Media Publ.